
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО МАРШРУТА ДЛЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ИТАЛИИ

Сорока Алексей Юрьевич,

атташе ДИО МИД России, соискатель

Среднерусского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Россия, г. Москва

vanbayer7@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается центрально-средиземноморский миграционный маршрут как фактор, влияющий на внутриполитическую устойчивость Италии не через прямую дестабилизацию, а посредством трансформации конфигурации конфликтов и режимов легитимации политических решений. Показано, что маршрут функционирует как механизм переноса внешней нестабильности во внутреннее политическое пространство, формируя режим хронической неопределённости и перераспределяя напряжения от социальной сферы к партийной конкуренции и дискурсу суверенитета. Анализ выявляет, что геополитизация миграции проявляется преимущественно через административные, правовые и символические практики, а внутриполитическая стабильность приобретает характер постоянно воспроизводимого баланса, зависящего от внешних акторов и ограничений европейской солидарности.

Ключевые слова: миграция, центрально-средиземноморский маршрут, Италия, внутриполитическая стабильность, геополитизация миграции, Европейский союз.

GEOPOLITICAL CONSEQUENCES OF THE CENTRAL MEDITERRANEAN ROUTE FOR ITALY'S DOMESTIC POLITICAL STABILITY

Alexey Yu. Soroka,

Attaché, Department of Information Support,

Ministry of Foreign Affairs of Russia, applicant of the Central Russian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

(Russia, Moscow)

vanbayer7@gmail.com

ABSTRACT

The article examines the Central Mediterranean migration route as a factor shaping Italy's domestic political stability not through direct destabilization but through the reconfiguration of conflicts and modes of political legitimation. It is shown that the route functions as a mechanism for transmitting external instability into the internal political sphere, producing a regime of chronic

uncertainty and shifting tensions from the social level to party competition and sovereignty discourse. The analysis demonstrates that the geopoliticization of migration is realized mainly through administrative, legal, and symbolic practices, while domestic stability takes the form of a continuously reproduced balance dependent on external actors and the structural limits of European solidarity.

Keywords: migration, Central Mediterranean route, Italy, domestic political stability, geopoliticization of migration, European Union.

Ливийское побережье в последние годы всё менее поддаётся описанию как периферийный транзитный участок и всё более — как зона аккумуляции разнородных внешних разрывов, которые через центрально-средиземноморский маршрут оказываются встроенными в итальянскую политическую динамику. Формальная экстернализация контроля, реализуемая через соглашения с ливийскими структурами, придаёт управлению маршрутом видимость удалённости от национального пространства.

Именно эта неполная управляемость превращает маршрут из инфраструктуры перемещения в механизм трансляции внешней нестабильности. Потоки не столько увеличиваются или сокращаются, сколько демонстрируют повторяемость с резкими колебаниями интенсивности, создавая эффект перманентного ожидания нового обострения. В таких условиях управленческие решения принимаются не в логике долгосрочного регулирования, а в режиме реагирования, что постепенно институционализирует состояние временности. Миграция перестаёт быть объектом политики и начинает функционировать как её фоновое условие.

Политическая карта Ближнего Востока и Северной Африки на протяжении последних десятилетий напоминает неустойчивую конструкцию, где любое смещение сил мгновенно вызывает цепную реакцию кризисов. Здесь сосредоточено множество противоречий, укоренённых в историческом опыте раздела территорий, ресурсной зависимости и неравномерного социального развития. Сложившиеся после распада колониальных империй государства унаследовали границы, не соответствующие реальной структуре общества, а вместе с ними — конфессиональные и этнические линии разлома, которые с каждым десятилетием лишь усиливались. В отличие от иных регионов мира, здесь так и не сложился устойчивый баланс между модернизацией и традиционными формами политического существования.

На этом этапе в процесс включается европейское измерение. Центрально-средиземноморский маршрут оказывается точкой, где неоднородность европейской солидарности приобретает практическое выражение. Формальное распределение ответственности внутри ЕС не сопровождается сопоставимыми механизмами перераспределения рисков, в результате чего Италия вынуждена компенсировать структурные разрывы общеевропейской политики на национальном уровне. Как указывает С. М. Гаврилова, «традиционные интересы Италии в Средиземноморском регионе, обусловленные географическими, историческими и экономическими факторами, а также проблемами безопасности внешних границ и сложностями в вопросе нелегальной миграции, определяют устойчивое внимание Итальянской Республики к данному направлению внешней политики» [1, с. 121].

Эта асимметрия не сводится к количеству прибывающих, а проявляется в постоянной необходимости объяснять собственные действия одновременно внутренней аудиторией и европейским партнёрам.

В таких условиях маршрут приобретает геополитическое измерение без обращения к силовым инструментам. Его геополитизация реализуется через административные процедуры, правовые интерпретации и символические жесты, которые формально направлены вовне, но фактически адресованы внутрь страны. Решения о закрытии портов, пересмотре статуса поисково-спасательных операций, усилении ответственности капитанов судов выступают не столько мерами контроля, сколько способами артикуляции пределов допустимого. Каждое из них возвращается во внутривнутриполитическое пространство в виде дискуссий о суверенитете, ответственности и границах государственной юрисдикции. Как указывают Г. И. Гаджимурадова и Н. Вукчевич, «неконтролируемая миграция, охватившая Европу, является следствием колониальной политики большинства стран ЕС и последующей политики вмешательства во внутренние дела стран-бывших колоний» [2, с. 54].

Повторяемость маршрута придаёт этим практикам кумулятивный характер. Смена направлений, появление новых точек отправления, концентрация беженцев в транзитных странах — всё это свидетельствует о высокой адаптивности миграционной системы. Миграционные потоки через Средиземное море традиционно распределяются по трём основным маршрутам: западному, ведущему к Испании, центральному, направленному в Италию, и восточному, соединяющему Турцию и Грецию. Западный маршрут, ведущий из Марокко и Алжира в Испанию, является самым старым и охватывает не только переход через Гибралтарский пролив, но и линии вдоль атлантического побережья, включая путь к Канарским островам. При этом маршрутная структура постоянно меняется: действуют четыре устойчивых коридора в центральной части Средиземного моря — из ливийских портов Триполи, Зуары и Гаср-Гарабулли к Лампедузе и Сицилии; из тунисских портов Сфакс и Суса к островам Лампедуза и Пантеллерия; а также из алжирского Аннабы к Сардинии. Как указывают С. А. Горохов, М. М. Агафшин и Р. В. Дмитриев, «северный маршрут миграции через страны Северной Африки направлен, в частности, в Италию, продолжаясь морским Центрально-Средиземноморским маршрутом» [4, с. 51].

Пересечение пролива совершается на небольших, технически устаревших лодках, что делает путь чрезвычайно опасным: мигранты рискуют жизнью, сама переправа коротка, но условия — крайне тяжелы. Несмотря на сокращения других маршрутов, маршрут через Гибралтар по-прежнему считается одним из наиболее рискованных направлений нелегальной миграции в Западном Средиземноморье.

Итак, можно сделать вывод, что до тех пор, пока существуют кризисы и войны, а Европа обещает лучшую жизнь, люди будут пытаться попасть в более благополучные страны любыми способами. Хотя Италия никогда не входила в число крупнейших колониальных держав, она обладала обширными владениями в Восточной Африке — в Эфиопии, Эритрее и Итальянском Сомали, охватывавшем юго-восточное побережье современного Сомали. Как отмечает О. А. Глубокая, «проблема нелегальной миграции стала одним из ключевых факторов, определяющих заинтересованность Рима в переводе итало-африканских отношений на новый уровень сотрудничества» [3, с. 20].

Отдельные решения не завершают процесс, а наслаиваются друг на друга, формируя устойчивое ощущение незавершённости. Внутривнутриполитические издержки здесь возникают не из-за одномоментного кризиса, а вследствие длительного существования режима неопределённости, в котором ни экстернализация контроля, ни апелляция к европейским механизмам не дают окончательного результата.

Маршрут, таким образом, функционирует как канал постоянного возврата внешней нестабильности, встроенный в повседневную логику итальянской политики и постепенно меняющий её режимы принятия решений.

Влияние центрально-средиземноморского маршрута на внутривнутриполитическую устойчивость Италии проявляется не в форме резкого институционального сбоя, а через постепенную трансформацию конфигурации конфликтов. Социальные напряжения, возникавшие ранее на уровне муниципалитетов, систем приёма и распределения ресурсов, со временем утрачивают локальную привязку и перемещаются в пространство общенациональной политики.

Миграционное давление, воспроизводимое маршрутом, перестаёт быть предметом управленческого администрирования и всё чаще интерпретируется как показатель способности государства сохранять контроль над собственными границами и политическим порядком. Как указывают В. С. Малахов и К. А. Касцян, «различия в подходах к вынужденной миграции стали причиной глубоких расколов в политических элитах ЕС как на национальном, так и на наднациональном уровне» [7, с. 140].

Эта логика смещения особенно заметна в изменении характера партийной конкуренции. Миграционная проблематика встраивается в электоральные стратегии не как частный социальный вопрос, а как универсальный маркер различий между политическими проектами. В результате конфликт разворачивается не вокруг конкретных управленческих решений, а вокруг интерпретаций допустимого объёма суверенитета и степени зависимости от наднациональных механизмов. Маршрут при этом выполняет функцию постоянного подтверждения этих интерпретаций, позволяя апеллировать к повторяемости давления и невозможности его окончательного устранения.

Одновременно меняется и режим легитимации политических решений. Ограничительные меры, договорённости с транзитными государствами, пересмотр практик приёма и спасения на море всё реже обосновываются их эффективностью в узком управленческом смысле. Они включаются в более широкий дискурс безопасности, где значимым становится не столько результат, сколько демонстрация действия. Внутривнутриполитическая устойчивость в этой конструкции поддерживается через публичное воспроизводство образа реагирования, адресованного ожиданиям электората, а не через устранение источника давления. Как указывают В. А. Сливкина и Т. С. Пронина, «регулярная африканская миграция в Италию сопровождается ростом нерегулируемых потоков, что ведёт к увеличению числа запросов на международную защиту» [9, с. 105].

Характерно, что подобная модель перераспределяет конфликтность, не устраняя её. Социальные и экономические противоречия, связанные с интеграцией мигрантов, остаются в латентном состоянии, в то время как политическое напряжение концентрируется вокруг символических решений и заявлений. Это создаёт эффект управляемой поляризации, при которой миграция используется как ресурс мобилизации, но не становится предметом системного согласования. Внутривнутриполитическая стабильность здесь приобретает форму баланса, основанного на постоянном обновлении повестки, а не на снижении давления [5; 10].

Пределы этой модели проявляются по мере накопления несинхронизированных ожиданий. Экстернализация контроля над маршрутом усиливает зависимость Италии от внешних акторов, чья устойчивость и предсказуемость остаются ограниченными. Европейские механизмы солидарности, функционирующие фрагментарно, не компенсируют полностью асимметрию ответственности, что возвращает вопрос управления маршрутом во внутреннее политическое пространство в новых формах. Каждое внешнее соглашение или административное решение порождает последующие требования подтверждения его результативности, которые не могут быть удовлетворены в условиях воспроизводимости маршрута. Как отмечают Г. М. Сидорова и Н. А. Жерлицына, «Италия приняла первый общенациональный план интеграции мигрантов лишь в 2017 г., при этом его практические результаты остаются ограниченными» [8, с. 113].

Таким образом, внутриполитическая устойчивость Италии в условиях устойчивого миграционного давления формируется как процесс постоянного балансирования, а не как состояние равновесия. Невозможность окончательного «закрытия» маршрута делает этот баланс воспроизводимым, но одновременно уязвимым к смещениям внешней среды и внутреннего дискурса. Стабильность сохраняется за счёт трансформации конфликтов и режимов легитимации, однако сама эта трансформация содержит потенциал дальнейшего напряжения, которое не снимается, а лишь откладывается во времени.

Сопоставление внешних и внутренних измерений центрально-средиземноморского маршрута позволяет увидеть, что его воздействие на Италию не сводится ни к управленческой перегрузке, ни к кратковременным политическим кризисам. Маршрут встраивается в институциональную ткань государства как источник постоянно возобновляемой неопределённости, которая не разрушает устойчивость напрямую, но постепенно изменяет способы её поддержания. В этом смысле речь идёт не о дестабилизации, а о смещении самой логики устойчивости – от попыток разрешения проблемы к практике её удержания в управляемых пределах.

Итальянский случай показывает, что геополитизация миграции не обязательно сопровождается радикализацией внешней политики или милитаризацией границ. Куда более значимым оказывается внутренний эффект: перераспределение конфликтов, их перевод в плоскость символических решений и дискурса суверенитета. Центрально-средиземноморский маршрут функционирует как постоянный фон политического выбора, в котором каждое решение неизбежно носит временный характер и требует последующего подтверждения.

Тем самым формируется режим устойчивости, зависящий от способности политической системы постоянно воспроизводить собственную легитимность в условиях нерешаемой проблемы. Как отмечают О. А. Коврижных, Е. С. Сантретова и А. А. Коломеец, «миграция в Европейский союз лишь частично покрывает убыль населения и не способна компенсировать демографический кризис в Италии» [6, с. 38].

Такое положение оставляет Италию в состоянии структурного баланса, который сохраняется до тех пор, пока внешняя нестабильность может быть переработана во внутреннюю политическую повестку без выхода за пределы институциональной управляемости. Однако сама воспроизводимость маршрута указывает на пределы этой модели. Чем дольше миграционное давление используется как ресурс легитимации, тем выше риск того, что накопленные латентные противоречия перестанут поддаваться символическому перераспределению и потребуют иных форм политического ответа, выходящих за рамки сложившегося баланса.

Список литературы:

1. Гаврилова С. М. Политика Италии в Средиземноморье: приоритетные направления // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 3(29). С. 121-134.
2. Гаджимурадова Г. И., Вукчевич Н. Миграционная политика ЕС: политика гуманизма vs угроза национальной безопасности // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 4. С. 54-64.
3. Глубокая О. А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 3(39). С. 19-30.

4. Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 1. С. 50–62.
5. Гоффе Н. В., Гришин И. В. Пандемия COVID-19 и миграция населения: кейсы Италии и Швеции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 12. С. 118–127.
6. Коврижных О. А., Сантретова Е. С., Коломеец А. А. Влияние миграционного фактора на демографический кризис в современной Европе (на примере Италии) // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1(105). С. 38–45.
7. Малахов В. С., Касцян К. А. Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 139–151.
8. Сидорова Г. М., Жерлицына Н. А. Динамика миграционных и интеграционных процессов в Южной Европе (Испания, Португалия, Италия, Сан-Марино, Мальта) // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 109–118.
9. Сливкина В. А., Пронина Т. С. Африканская миграция в Италию: мотивы, локальные этнические группы, процессы интеграции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 4. С. 102–112.
10. Шогунц А. В. Современное измерение миграционной политики Италии // Власть. 2020. Т. 28. № 3. С. 270–275.

References:

1. Gavrilova S. M. Italy's policy in the Mediterranean: priority areas // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. 2021. No. 3(29). pp. 121-134.
2. Gadzhimuradova G. I., Vukchevich N. [EU migration policy: the policy of humanism vs the threat to national security]. Culture. Society. 2023. Vol. 29. No. 4. pp. 54-64.
3. Glubokaya O. A. Africa in Italian foreign Policy: between populism and pragmatism // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 3(39). pp. 19-30.
4. Gorokhov S. A., Agafoshin M. M., Dmitriev R. V. Migration crisis in the East African region // East. Afro-Asian societies: History and modernity. 2023. No. 1. pp. 50-62.
5. Goffe N. V., Grishin I. V. The COVID-19 pandemic and population migration: cases from Italy and Sweden // World Economy and international Relations. 2021. Vol. 65. No. 12. pp. 118-127.
6. Kovrizhnykh O. A., Santretova E. S., Kolomeets A. A. The influence of the migration factor on the demographic crisis in modern Europe (on the example of Italy) // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. No. 1(105). pp. 38-45.
7. Malakhov V. S., Kastsyan K. A. The European Union in the face of forced migration: a political and legal dimension // Polis. Political research. 2020. No. 4. pp. 139-151.
8. Sidorova G. M., Zherlitsyna N. A. Dynamics of migration and integration processes in Southern Europe (Spain, Portugal, Italy, San Marino, Malta) // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 9. pp. 109-118.

9. Slivkina V. A., Pronina T. S. African migration to Italy: motives, local ethnic groups, integration processes. *Afro-Asian societies: History and modernity*. 2020. No. 4. pp. 102-112.
10. Shogunts A.V. The modern dimension of Italian migration policy // *Vlast*. 2020. Vol. 28. No. 3. pp. 270-275.